

Н.И. БАРМИНА
ЕКАТЕРИНБУРГ

ХРОНОЛОГИЯ МАНГУПСКОЙ БАЗИЛИКИ (ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ)

Мангупская базилика является известным археологическим памятником Крымского средневековья. На протяжении длительного времени она неизменно привлекает внимание отечественных историков, археологов, искусствоведов и культурологов. Научный интерес к Мангупу определился еще в середине XIX в., когда в российской историографии была поставлена проблема Крымских «пещерных городов», к разряду которых был причислен и этот памятник. Важным направлением в ее решении является выяснение вопроса о времени образования епархий на территории Таврики в связи с утверждением христианства в регионе. Исследования списков патриарших соборов и житийной литературы позволили установить, что одной из ведущих церковных организаций того времени была Готская епархия. Ряд дореволюционных исследователей (Ф.К. Брун, В.Г. Васильевский, П.И. Кеппен и др.) «размещали» ее центр на Мангупе, другие (например, Н.И. Репников) указывали иную локализацию. Подведение предварительных итогов этого спора оказалось невозможным из-за малой информативности письменных источников, поэтому начались археологические изыскания.

В 1890 г. по поручению Императорской Археологической Комиссии, приват-доцент Петербургского университета Ф.А. Браун предпринял попытку обнаружить «следы пребывания готов» в Крыму. Планируя исследовать несколько местных памятников, он, в силу сложившихся обстоятельств, ограничился только раскопками Мангупа. Среди прочих объектов, заинтересовавших Ф.А. Брауна, стала базилика, до того времени покоившаяся под длинным холмом, на который еще в 1853 г. обратил внимание А.С. Уваров¹.

¹ УВАРОВ А.С. Сборник мелких трудов. М., 1910. Т. 3. С. 14-15.

Анализ отчета Ф.А. Брауна позволяет утверждать, что раскопки были начаты с западной стороны, где был открыт заложенный бутовым камнем центральный вход в нартекс базилики. Затем они были продолжены в виде узкой траншеи, ведущей в восточном направлении². Работы велись без соблюдения основных принципов считающихся нормой в современной археологии³. Отсутствие чертежей раскопа, различного рода зарисовок и полевой описи археологического материала привело к тому, что ни в одном из документов, имеющих отношение к данному участку, мы не сможем обнаружить надлежащих выводов. При использовании подобного рода археологической методики происходило нарушение культурных напластований, разрушение тех грунтовых погребений, чье появление было связано с периодом забвения храма. Сформировать композиционный план раскрываемого сооружения также не представлялось возможным, поэтому самим автором раскопок, открытые им стены были определены как «остатки кладбищенской ограды»⁴.

В проведении археологических работ подобного уровня более всего «виновато» время – конец XIX в. В профессиональном и в материальном отношении Ф.А. Браун не был готов к раскопкам. Возможно предположить, что дальнейшее исследование Мангупа именно по этим причинам было приостановлено. Вместе с тем Ф.А. Браун совершил главное – он впервые открыл, еще не зная об этом, Мангупскую базилику.

В 1912–1914 гг. отдельные памятники Мангупа, в том числе и базилика, вновь становятся объектами археологических раскопок под руководством директора Херсонесского музея Р.Х. Лепера. Их результаты отражены в Известиях археологической комиссии и в «предварительных отчетах», опубликованных в изданиях Таврической ученой архивной комиссии⁵. Следует отметить, что хотя Лепер и вел некое подобие

² БРАУН Ф.А. Рукописный отчет о раскопках на Мангупе // ОАК за 1890 г. СПб., 1891. С. 15.

³ См.: ГАРДЕН Ж.-К. Теоретическая археология. М., 1989; КЛЕЙН Л.С. Археологическая типология. Л., 1991; МАРТЫНОВ А.И., ШЕР Я.А. Методы археологического исследования. М., 2002; ЩАПОВА Ю.Л. Введение в вещеведение: естественнонаучный подход к изучению древних вещей. М., 2000 и др.

⁴ БРАУН Ф.А. Рукописный отчет... С. 20.

⁵ См.: ЛЕПЕР Р.Х. Отчет о работах на Мангупе в 1912 г. // ИАК. 1913. Вып. 47; Протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии. Заседание 16 октября 1912 г. // ИТУАК. 1913. Вып. 49; Протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии. Заседание 30 января 1914 г. // ИТУАК. 1914. Вып. 51.

полевого дневника, полный отчет о раскопках базилики отсутствует. Только в 1915 г. вышел в свет Отчет Археологической комиссии, в котором под авторством Л.А. Моисеева были представлены сводные материалы по раскопкам Р.Х. Лепера на базилике⁶. Заслуга Р.Х. Лепера состоит в том, что им был создан фотоархив⁷, позволяющий уточнить сам процесс раскопок.

Наличие этого материала свидетельствует о том, что работы, принятые на базилике, получили более масштабный характер – была раскрыта вся площадь постройки. Для этой цели через центральный неф были проложены рельсы, по которым проходила вагонетка, вывозившая землю из раскопа. Рядом с базиликой появились новые отвалы. Следовательно, мы опять сталкиваемся с несовершенством методики археологических раскопок. Вновь происходило нарушение культурных пластов, множилось число выброшенного и неучтенного материала. При этом уничтожение пластов осуществлялось по всей площади базилики. «Благодаря» размаху предпринятых работ оказалось невозможно получить адекватное представление о базилике как центре формирования религиозного комплекса на Мангупе.

Изучая сохранившиеся материалы по раскопкам Р.Х. Лепера, складывается впечатление, что главной задачей этих работ было раскрытие общего композиционного плана базилики. Исследования проводились не под уровень материковой скалы, а происходило некоторое «выравнивание» napольной поверхности. Например, Р.Х. Лепер, указывая на наличие двух уровней полов, не предполагал существование самого нижнего уровня, связанного с начальным этапом строительства базилики. Отношение к вскрытым гробницам было крайне небрежным: 1) не все из раскопанных в то время были отмечены на изданном им плане; 2) отсутствовала нумерация открытых гробниц; 3) сопутствующий материал из этих гробниц фиксировался только в общем виде.

Тем не менее, в ходе изучения базилики в 1912–1914 гг. был снят чрезвычайно схематичный план памятника и впервые указана его датировка. Первоначальную постройку, по аналогии с херсонесскими базиликами, Р.Х. Лепер относил к VI в., а ее перестройку он связывал с XIII–XIV вв. По его мнению, гибель базилики произошла до 1457 г., так как он полагал, что вскрытая им могила чтеца Стефана, на надгроб-

⁶ См.: МОИСЕЕВ Л.А. Отчет о работах на Мангупе 1912–1914 гг. // ОАК за 1913–1915 гг. СПб., 1916.

⁷ Негативы фотоархива Р.Х. Лепера хранятся в фототеке Национального заповедника «Херсонес Таврический».

ной плите которой была обнаружена надпись с датой 9 ноября 6965 года (1457 г.), могла здесь появиться только после разрушения храма⁸.

По сравнению с работами Ф.А. Брауна раскопки Р.Х. Лепера отличались большей планомерностью и систематичностью, что позволило последнему ввести памятник в научный оборот, определить его как раннехристианское сооружение, сыгравшее значительную роль в судьбе самого Мангупа. Однако если учесть, что Р.Х. Лепер в силу своей занятости в Херсонесе крайне редко в ходе раскопок посещал базилику и за все археологические работы здесь отвечал старший рабочий Н.З. Федоров, становится понятным, почему выводы руководителя носили «предварительный» характер. Разразившаяся Первая мировая война обусловила поспешное завершение проводимых исследований.

После раскопок Р.Х. Лепера складываются новые подходы к датировке Мангупской базилики. Так, в решении этого вопроса принял участие А.Л. Бертье-Делагард, рассуждения которого по поводу Мангупа и базилики не были случайными и эпизодическими. Несмотря на то, что по специальности он был военным инженером, ошибочно считать его дилетантом в области истории и археологии. Его труды отличаются широким историческим кругозором, демонстрируют знание огромного материала, выделяются собственным взглядом на ряд сложных проблем медиэвистики и подтверждаются соответствующей аргументацией.

Посетив Мангупскую базилику после раскопок Р.Х. Лепера, А.Л. Бертье-Делагард справедливо указывал на методическое несовершенство проведенных работ. По поводу хронологии памятника ученый сделал следующие умозаключения: во-первых, отмечается его большое сходство с херсонесской Уваровской базиликой; во-вторых, Мангупская базилика была построена не ранее VII–VIII вв. Поддержав вывод Р.Х. Лепера о двух строительных периодах здания, А.Л. Бертье-Делагард дополнил его анализом архитектурных деталей. Он отметил, что в ранней базилике были мраморные колонны с аканфовыми капителями⁹, а во второй – восьмигранные столбы, выполненные из местного известняка. Время второй перестройки связывалось им со временем турецкого захвата Мангупа, при этом он предполагал, что в этот

⁸ Протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии. Заседание 30 января 1914 г. // ИТУАК. 1914. Вып. 51. С. 298.

⁹ Все обнаруженные мраморные фрагменты не являлись датирующими, т.к. эти детали постоянно перемещались с места на место. См.: РЕПНИКОВ Н.И. О датах базилик Крыма (Рукопись) // Архив ГАИМК. Ф. 10. Д. 3. Л. 30-38.

период базилика могла оставаться христианским храмом в сильно перестроенном виде¹⁰.

В целом дореволюционная историческая наука рассматривала Мангуп в качестве своеобразного центра на территории Юго-Западной Таврики. Памятники этого города получили свое более-менее полное описание – порой спорное и неверное, однако, главное, они стали объектами научных исследований. Благодаря работам В.Г. Васильевского, Ю.А. Кулаковского, А.Л. Бертъе-Делагарда, В.В. Латышева Мангуп и другие «пещерные города» Крыма стали изучаться не только «сами по себе», но и в контексте проблемы византийского провинциального города.

История горного Крыма особенно привлекла ученых после издания монографии А.А. Васильева «Готы в Крыму»¹¹. При несомненных достоинствах этого исследования, концепция средневековой истории Крыма, предложенная ученым, во многом оказалась дискуссионной. Эффектная картина готского владычества в Крыму, искусно составленная автором, позже нашла своих оппонентов (Е.В. Веймарн, З.В. Удальцова, А.Л. Якобсон и др.). Потребовалось привлечение новых аргументов – материальных свидетельств, способных опровергнуть точку зрения сторонников А.А. Васильева.

В 1920–1930-е гг. ведутся раскопки на Эски-Кермене – археологическом памятнике, который, по мнению археологов В.И. Равдоникаса, Н.И. Репникова, Ф.И. Шмита, мог претендовать на роль ведущего центра в период раннего средневековья в горном Крыму – Дороса¹². Противопоставление Эски-Кермена (Дороса) Мангупу (Доросу) привело к тому, что последний, долгое время находившийся в центре исследовательских штудий, оказался на периферии внимания советских ученых-крымоведов. С этим никак не могли согласиться отдельные специалисты, о чем свидетельствовал выход в свет работы Н.В. Малицкого, посвященной эпиграфическим памятникам Мангупа. Проведя тщательный анализ этих находок, он убедительно доказал факт жизни города в раннее средневековье и его тождество со столицей княжества Феодоро в XIV–XV вв.¹³

В 1938 г., в связи с постановкой в советской исторической науке проблемы феодализации Восточной Европы, было возобновлено археологическое изучение Мангупа. Задачами предпринятого исследования являлось определение исторической роли этого города в системе средневековых памятников Крыма и уточнение времени возникновения его

¹⁰ БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД А.Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. 1918. Вып. 55. С. 1-44.

¹¹ ВАСИЛЬЕВ А.А. Готы в Крыму. М.; Л., 1921.

¹² Готский сборник // ИГАИМК. 1932. Т. XII. Вып. 1-8.

¹³ МАЛИЦКИЙ Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. 1933. Вып. 71.

крупнейших сооружений. Поэтому, т.н. большая базилика становится одним из наиболее значительных археологических объектов.

Раскопки базилики производились под руководством М.А. Тихановой с применением качественно новой, сложившейся к тому времени, методики археологических раскопок. Основные работы были сконцентрированы на трех участках: 1) в северной галерее; 2) в северо-западной части перед западной (внешней) стеной базилики; 3) в северном районе, непосредственно прилегающим к храму. Исследуемые участки получили исчерпывающую характеристику в опубликованном отчете¹⁴. В соответствии со стратиграфией культурных напластований немаловажное место отводилось изучению могильных сооружений и грунтовых погребений. Большой интерес представляло открытие крещальни, которая, как показали раскопки, находилась на расстоянии не более 1 м за северной стеной галереи базилики. Археологический материал, полученный в ходе раскопок, датировался в широких хронологических рамках – с VI по XV вв. Таким образом, датировка первоначальной базилики относилась, по мнению М.А. Тихановой, к раннесредневековому периоду.

Несмотря на то, что были открыты новые объекты, дополнявшие архитектурный комплекс базилики, датировка всего ансамбля в целом оставалась прежней. Приступая к раскопкам этого памятника, М.А. Тиханова, возможно, исходила из предположения о более тщательном его изучении в период работ Р.Х. Лепера и считала его датировку всего памятника в целом оправданной.

Несколько ранее мнение о раннесредневековом происхождении базилики было высказано А.Л. Якобсоном, который работал вместе с М.А. Тихановой на Мангупе и проводил раскопки дворца князя Алексея. В 1940 г. в журнале «Советская археология» появилась его работа, посвященная Мангупской базилике. В примечаниях к ней он сообщал о том, что «... настоящая работа написана в конце 1935 г. Материал для статьи собран в 1927 г. ... данные раскопок базилики в 1938 г. использованы лишь в незначительной степени»¹⁵. Таким образом, фундаментом для его рассуждений послужили результаты визуального обследования, а не археологических раскопок. Вместе с тем, произведенная А.Л. Якобсоном «ревизия» памятника не помешала ему дополнить и расширить сведения, почерпнутые из прежних исследований. Он высказал ряд существенных замечаний по поводу перестроек, произведен-

¹⁴ ТИХАНОВА М.А. Базилика // МИА. 1953. № 34. С. 334-389.

¹⁵ ЯКОБСОН А.Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. II. Мангупская базилика // СА. 1940. № 4. С. 205, прим. 1.

ных, вероятнее всего, в XV в., но «... не нарушивших первоначальную плановую композицию храма»¹⁶. Подтверждая ранее сделанный вывод о хронологической близости данного памятника и херсонесских базилик, А.Л. Якобсон весьма убежденно отстаивал тезис об одновременности строительства базиликальных памятников Херсонеса, Эски-Кермена и Мангупа, полагая, что их появление было связано с византийским влиянием на Таврику в VI в.¹⁷

Научный стиль «уверенности в правильности собственных построений», проявившийся уже в раннем творчестве А.Л. Якобсона, в дальнейшем получил свое всеобъемлющее развитие. «Феномен Якобсона» подтверждает определенные закономерности функционирования «марксистско-ленинской» исторической науки. Нужно учитывать, что во всей советской историографии доминировала «единственно верная» методология: формационный подход в историческом исследовании был обязательным и применялся к любым регионам. По верному замечанию В.И. Гуляева и Л.А. Беляева, «археология помогала доказывать и пропагандировать материалистическое понимание истории»¹⁸. Однако на территории Крыма располагаются памятники, относящиеся к различным историческим эпохам (от первобытности до позднего средневековья). Следуя заданным установкам, А.Л. Якобсон осмыслял сложные процессы, протекавшие в полиэтничном и мультикультурном континууме, с позиций «судьи», выносящем соответствующий вердикт. По сути, не осталось ни одной более или менее значимой проблемы истории крымского средневековья, не получившей освещения в трудах этого исследователя. Его мощная научная «длань», казалось бы, «закрыла» все «белые пятна» противоречивой истории Таврики. Высказанные им суждения относительно датировки того или иного памятника далеко не всегда имели под собой тщательно выверенную источниковую базу и нередко основывались на весьма специфической интерпретации археологического материала¹⁹.

¹⁶ Якобсон А.Л. Из истории средневековой архитектуры... С. 207.

¹⁷ Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес: Очерки истории материальной культуры // МИА. 1959. № 63. С. 25; он же. Средневековый Крым. М.; Л., 1964. С. 11.

¹⁸ Гуляев В.И., Беляев Л.А. О современном состоянии археологии в России (полемиические заметки) // РА. 1995. № 3. С. 98.

¹⁹ См., напр.: Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес XII–XIV вв. // МИА. 1950. № 17. С. 47–99; он же. Раннесредневековый Херсонес... С. 71, 115, 130, 152; он же. Средневековый Крым. С. 21–26; он же. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л, 1979. С. 5–18, 25–28.

Хотя взгляды А.Л. Якобсона по-прежнему широко представлены в современной историографии, в последние десятилетия, когда были проведены новые исследования ряда археологических памятников Крыма (Мангуп, Эски-Кермен, Херсонес и др.), некоторые выводы ученого оказались аргументировано опровергнуты²⁰.

С 1967 г. начала свою работу Мангупская экспедиция, вначале под руководством Е.В. Веймарна, с 1976 г. – Н.И. Барминой, которая продолжает изучение базилики, и А.Г. Герцена, занимающегося анализом системы фортификационных сооружений городища. Принципиальное отличие нынешних работ на базилике заключается в том, что раскопки производятся по всей территории памятника, как внутри его стен, так и за их пределами, с выявлением всех сохранившихся культурных напластований под уровень материковой скалы. За прошедшее время изучена площадь (1400 м²), которая включает саму базилику и участки, примыкающие к ней с севера, юго-запада, частично с восточной и южной сторон.

В ходе археологических раскопок уточнены данные, связанные с композиционным планом данного памятника. Северная галерея базилики в восточной части завершалась постройкой (храм В), которая на разных исторических этапах выполняла различные функции. Вскрыты 62 ранее неизвестные гробницы, 10 могиловых ям и 353 грунтовых погребения. Был получен значительный археологический материал, датируемый V–VI и XV–XVI вв. Результаты работ получили свое освещение в ряде публикаций²¹. На основании раскопок базилики можно утверждать, что столичным центром Готской епархии являлся Мангуп. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что для выбора устройства своего кафедрального храма было выбрано «старое» место расположе-

²⁰ См.: БАРАНОВ И.А. О восстании Иоанна Готского // Феодальная Таврика. Киев, 1974. С. 158; ГОЛОФАСТ Л.А. Комплекс VI в. из Северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. Вып. IV. 1994. С. 215; СИДОРЕНКО В.А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 106-114 и др.

²¹ См.: БАРМИНА Н.И. К вопросу о духовном центре Готской епархии // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. Материалы Всерос. науч. конф. 11-14 мая 1994 г. Сыктывкар, 1994. С. 67-69; она же. Мангупская базилика в свете некоторых проблем крымского средневековья // АДСВ. 1995. Вып. 27. С. 77-84; она же. Средневековый Крым: на перекрестке культур // Труды на кафедре по истории и богословию при ШУ. 2001. Т. 4. С. 53-61; она же. Средневековая Таврика – пространство взаимодействия культур (теоретико-методологический аспект) // Восток-Запад: межконфессиональный диалог. Тез. докл. IV Межд. Крымской конф. по религиоведению. 21-24 мая 2002 г. Севастополь, 2002. С. 9-10 и др.

ния христианского сооружения, имевшего отношение еще к Доросу VI-VII вв.²²

Многие годы я полагала²³, что в качестве первоосновы данного культового памятника на рубеже V-VI вв. выступала постройка «А», расположенная в непосредственной близости от внешней северной стены галереи базилики, за которой на скальном уровне, сохранилось кладка, напоминающая форму апсиды, из пяти хорошо обработанных, плит. После его разрушения (VII-VIII вв.) почти на том же месте появляется крестообразная крещальня «Б» и к юго-востоку от нее строится однефный храм «В». В IX в. к этому храму пристраивается большая трехнефная базилика с двумя галереями, из которых северная стала западным продолжением храма «В», а южная – ординарной пристройкой к южному нефу. Сделать данный вывод позволила обнаруженная кладка южной стены храма, вплотную пристроенная к уже существующей. При этом кладка пристроенной стены шла «вперевязь» с северным плечом базилики. При такой композиционной трансформации происходит «отмирание» старой крещальни («Б») и ее функции начинает выполнять храм «В». С этой целью в нем появляется плитовая солея, на ней устанавливается купель, выполненная из крупного известнякового блока²⁴. С IX по XV вв. базилика пережила, как минимум, две перестройки.

Однако последние раскопки западной части центрального нефа базилики, произведенные около порога, ведущего из нартекса в храм, помогли уточнить и скорректировать мои представления о динамике формирования и развития Мангупского ансамбля²⁵. Анализ сохранившихся здесь строительных остатков позволил выявить «рост» базилики «снизу вверх» и сделать новые выводы относительно датировки этого памятника в целом.

²² Бармина Н.И. Контуры перемен: Мангупский памятник в контексте истории крымского средневековья // АДСВ. 2002. Вып. 33. С. 23.

²³ См.: Бармина Н.И. Историческое место Мангупской базилики в христианской архитектуре Таврики. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983; она же. Место и значение Мангупской базилики в истории Дороса-Мангупа-Феодоро // Научные чтения, посвященные столетию со дня рождения проф. М.Я. Сюзюмова. 21-23 сентября 1993 г. Тез. докл. Екатеринбург, 1993. С. 3 и др.

²⁴ Бармина Н.И. Греческая надпись на дне купели в Мангупской базилике // АДСВ. 1978. Вып. 15. С. 96-97.

²⁵ Бармина Н.И. Мангупская базилика: от возникновения до разрушения // Россия – Крым – Балканы: диалог культур: Науч. докл. междунар. конф. (Севастополь, 6-10 сентября 2004 г.). Екатеринбург, 2004. С. 260-265.

Итак, эта территория был освоена в период поздней античности (IV–VI вв.), о чем свидетельствуют строительные остатки, обозначенные нами как храм «А». В дальнейшем здесь появляется однонефная церковь (не ранее начала VII вв.) – на это указывают сохранившиеся нижние ряды кладки западной и части северной стен здания, а также элементы северной стороны фундамента под центральную апсиду и три ее внешние грани. Надо полагать, что с этим храмом сосуществовала и крещальня «Б-1», расположенная к северу от него. Она имела широкий южный вход, выложенный крупными известняковыми плитами. На дату разрушения этих построек указывает выявленный на этом пространстве нижний ярус гробницы 16, архитектурные особенности которой дают основание связать ее с хазарским наступлением на Мангуп в VIII в.²⁶

Затем происходит восстановление крещальни «Б-2», строится северо-восточный храм «В» (не ранее начала IX в.) и только после этого начинаются работы по возведению «Большой базилики». При ее строительстве в качестве центрального нефа используется первоначальный одноапсидный храм, к которому пристраиваются боковые нефы, галереи (северная галерея пролегла в непосредственной близости от древней крещальни) и нартекс, также переоформляется *центральная апсида*. Раскопки 1971 г. выявили, что к внутреннему полукругу ранней алтарной ниши на расстоянии 0,85–0,9 м от нее достраивается ступенчатый синтрон, выкладываются плитами алтарь и солея, ограниченная алтарной преградой. К солее примыкает сложенный из мелкого камня амвон. В результате, базилика приобрела каноничный вид – она стала трехнефной с двумя галереями, одноапсидной со стропильным перекрытием и черепичной крышей. Ее строительные особенности выразились в том, что вследствие нового размещения постройки были перекрыты следы предыдущих сооружений и в ансамбль был включен северо-восточный храм «В», превращенный в крещальню.

Вся дальнейшая история существования этого ансамбля оказалась связанной с перестройками, из которых самая значительная произошла во время правления мангупского князя Алексея. В первой четверти XV в. в восточнее базилики возводится дворец этого владельца. Храмовое сооружение призвано было в большей мере реализовывать не только сакральные, но и репрезентативные, статусные функции. Материалы раскопок показали, что на месте старого порога, соединявшего южную гале-

²⁶ БАРМИНА Н.И. Мангупская базилика в свете некоторых проблем крымского средневековья. С. 81.

рею с нартексом, появляется новый портал, который украшается помпезной каменной резьбой, и частично перестраивается южная стена базилики. Одним из факторов, повлиявших на эти изменения, было создание второй линии обороны крепости, закрывшей доступ к базилике с западной стороны. Однако более значимым оказалось то, что вновь созданный вход предназначался именно для князя и соответствовал вкусам эпохи.

Отмечу, что рассуждения В.П. Кирилко, посвященные южному входу в базилику²⁷, представляют определенный интерес. Вместе с тем его упреки в априорности наших (Н.И. Барминой и А.Г. Герцена) выводов лишены каких-либо оснований. Выводы базируются на многолетних археологических изысканиях и корректировались по ходу накопления материала. Если обратиться к нашим публикациям и отчетам по итогам раскопок, то обнаружится, что новизна суждений В.П. Кирилко весьма относительна. Кроме того, объектом наших исследований являются сравнительно большие архитектурные сооружения и многочисленные погребения, а не, безусловно, важные, но все же «фрагменты» исторической реальности.

Определенные изменения в облике базилики происходили и после захвата Мангупа турками в 1475 г. К южному нефу пристраивается алтарная апсида, перенесенная из северо-восточного храма «В», она украшается архитектурными деталями, выполненными в новом стиле. На площади южной галереи появляются помещения с двумя смежными комнатами.

По моему мнению, в истории изучения Мангупской базилики можно выделить три основных этапа.

Первый (дореволюционный) период – базилика была открыта и получила свою первоначальную датировку (VI в). Однако сделанные выводы мало учитывали результаты археологического исследования, ученые исходили в своих рассуждениях из самой архитектурной формы базилики, которая к тому же оказалась идентична памятникам соседнего Херсонеса.

Второй период – 1920–1950-е гг. Исследование базилики продолжалось с привлечением новых более совершенных методик. Но, к сожалению, раскапывался не весь памятник, а лишь прилегающие к нему участки. Впервые был опубликован «полноценный» отчет о результатах раскопок базилики. На основе анализа археологического материала М.А. Тихонова аргументировала вывод о датировке памятника VI–XV вв.

²⁷ См. в настоящем сборнике статью В.П. Кирилко «Южный вход большой Мангупской базилики».

Третий период (с конца 1960-х гг. по настоящее время). Предпринимаемое изучение памятника показало, что архитектурный ансамбль Мангупской базилики складывался не единовременно. Первоначально была построена одноапсидная церковь (VII в.) В VIII–IX вв. строится крещальня и северо-восточный храм (VIII–IX вв.). Только после этого, используя в качестве центрального нефа «старую» постройку VII в, создается (не ранее IX – начала X в.) Большая базилика. Одновременно с формированием и развитием культового ансамбля сложился значительный погребальный комплекс, изучение которого способствует лучшему пониманию Мангупского памятника в целом. Позднее базилика из-за перестроек неоднократно меняла свой внешний облик, но продолжала существовать до XVI в.

N. I. BARMINA
EKATERINBURG

DIE CHRONOLOGIE DER BASILIKA VON MANGUP
(VERSUCH IHRER BESTIMMUNG)

Der Artikel bietet einen historiographischen Überblick über die Untersuchung der Basilika von Mangup. In Betracht bezogen werden die Datierungen des Bauwerks durch R. Ch. Leper, A. L. Bert'e-Delagard, A. L. Jakobson, M. A. Tichanova u.a. Die Autorin schließt auf Grund eigener Untersuchungen der Basilika auf eine stufenweise Herausbildung und Entwicklung des Architekturensembles vom 7. bis zum 16. Jh.